

Памяти моих родителей
Лапач Владимира Александровича и Лапач Ирины Васильевны

ПРЕДИСЛОВИЕ

Владимир Александрович Лапач родился 9 января 1948 г. в г. Ростове-на-Дону в семье служащих. Первое высшее образование он получил на факультете иностранных языков Ростовского государственного педагогического института, который закончил с отличием в 1971 г. Но юриспруденция стала его основной профессией и призванием. Закончив с отличием юридический факультет Ростовского государственного университета, он специализировался на гражданском праве и преподавал его на кафедре гражданского права юридического факультета, возглавлял кафедру гражданского процесса РГУ (ныне — Южный федеральный университет).

В 1990 г. Владимир Александрович Лапач, закончив аспирантуру Центрального института руководящих работников и специалистов в области патентной работы при Государственном комитете СССР по науке и технике, защитил кандидатскую диссертацию на тему «Правовые проблемы квалификации изобретений в СССР».

С 1989 г. и до своей кончины в сентябре 2010 г. Владимир Александрович работал на юридическом факультете РГУ (ЮФУ) сначала в должности старшего преподавателя, затем доцента (1993 г.), а затем и профессора. В 2005 г. после блестящей защиты докторской диссертации на тему «Система объектов гражданских прав в законодательстве России» он вступил в должность профессора и заведующего кафедрой гражданского процесса. В докторской диссертации и монографии «Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика» Владимир Александрович предложил новую систему объектов, соответствующую обновленному гражданскому законодательству России. Главная цель исследования состояла в том, чтобы на основе анализа теории права, отечественного и зарубежного законодательства, а также практики его применения выявить принципы и условия построения системы, которую он определял как дихотомию, основанную на противополжении объектных группировок вещей и иного имущества, а так-

же обнаружить внутренние способности системы к самостоятельному развитию путем вовлечения в гражданский оборот объектов, представляющих несомненную ценность для их обладателей, но не вошедших ни в одну из известных гражданскому праву объектных группировок.

Вклад Владимира Александровича Лапача в науку гражданского права состоит в новом подходе к пониманию закономерностей построения системы объектов гражданских прав, который позволяет точнее определять признаки таких объектов и обладает прогностическим значением дальнейшего развития системы.

В.А. Лапач вел активную научную и преподавательскую деятельность. Ученый опубликовал 115 научных работ, в качестве научного руководителя подготовил пятнадцать кандидатов наук, выступал консультантом докторантов. Он владел пятью иностранными языками, включая и так называемые мертвые языки. Читал лекции не только в Южном федеральном университете, но и в зарубежных университетах, в частности Кельна, Мюнстера, Дюссельдорфа.

Вместе с тем академичность Владимира Александровича как ученого не помешала ему быть успешным практикующим юристом, известным далеко за пределами Российской Федерации и представляющим интересы доверителей в зарубежных юрисдикциях.

Принимая решение почтить память моего отца публикацией части его работ, мы думали о переиздании монографии «Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика», которая уже давно стала редкостью, разыскиваемой как его многочисленными учениками, так и уже вполне состоявшимися учеными, но отказались от этой идеи прежде всего потому что изменение гражданского законодательства затронуло и систему объектов гражданских прав, к слову сказать, — именно так, как и предсказал отец. Мы с мамой решили опубликовать часть его работ в диапазоне от наиболее ранних до наиболее поздних, подобрав их по хронологии таким образом, чтобы читатель мог увидеть как меняются научные интересы Владимира Александровича и формируется заинтересованность практикующего юриста.

Моя мама очень ждала выхода в свет этого сборника, но ушла вслед за папой.

Мы очень благодарны за участие и помощь в подготовке этого сборника заместителю председателя Законодательного собрания Ростовской области Ирине Валерьевне Рукавишниковой.

Л.В. Лапач,
дочь, к.ю.н., доцент кафедры гражданского
права юридического факультета ЮФУ

С. Зинченко, доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой
хозяйственного права
Ростовского государственного университета

В. Лапач, кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Ростовского государственного университета,

Б. Газарьян, директор юридической фирмы «Аспект»

ВЕЩНЫЕ ПРАВА ПРЕДПРИЯТИЙ*

Предусмотренное законодательством Российской Федерации многообразие исходных и производных прав на имущество, закрепленное за юридическими лицами, вызывает сложности, как в научной их оценке, так и в практике применения соответствующих норм. Речь идет в первую очередь о вещных правах государственных и муниципальных предприятий, а также предприятий других форм собственности.

Понятие вещных прав (в отличие от прав обязательственных) может быть употреблено в широком и узком смысле. В широком смысле это права на имущество, принадлежащее собственнику, а также производные от них права на это же имущество других лиц-несобственников. Все виды вещных прав являются абсолютными по своему характеру и предусмотрены непосредственно законодательством (ст. 2, 5, 6, 14, 16–17, 19, 24, 26 Закона «О собственности в РСФСР»; ст. 3, 6–12 Закона РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности»; ст. 13, 44, 47, 48 Основ гражданского законодательства). Вещные права в широком смысле противопоставляются обязательственным, вытекающим из договоров (аренды, перевозки, хранения и др.), квазидоговоров и деликтов. В отличие от вещных прав, обеспечивающих

* Хозяйство и право. 1993. № 7.

закрепление имущественных отношений в статике, в качестве исходного положения для экономического оборота, обязательственные права на имущество возникают и реализуются в самом гражданском обороте как динамичном процессе перехода имущества и связанных с ним прав от одного субъекта к другому.

В узком же смысле вещные права понимаются как вторичные, производные от права собственности и абсолютные по характеру права на имущество собственника, принадлежащее другим лицам (ст. 5 Закона «О собственности РСФСР»).

Среди вещных прав в узком смысле законодатель особо выделяет права полного хозяйственного ведения, оперативного управления и самостоятельного распоряжения имуществом (ст. 5 Закона «О собственности в РСФСР», ст. 3, 6 Закона РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности»).

Правом полного хозяйственного ведения собственник (коммерческие организации), осуществляющие профессиональное хозяйствование как предпринимательскую деятельность в целях извлечения прибыли. Здесь применяются правила о праве собственности, если иное не предусмотрено законодательными актами или договором предприятия с собственником. В этом случае вещное право предприятия через полномочия владения, пользования и распоряжения реализуется с наибольшей полнотой, сопоставимой с объемом правомочий самого собственника. Более того, пользуясь своим абсолютным правом полного хозяйственного ведения, предприятие имеет возможность его защиты от всех лиц, включая и собственника. В тоже время, будучи вторичным, производным, это право уже изначально ограничено законом, ибо только собственнику и уполномоченным им органам принадлежат права создания, реорганизации и ликвидации предприятия, определения целей его деятельности, осуществления контроля за эффективностью использования и сохранностью вверенного имущества.

По отношению к данной исходной конструкции права полного хозяйственного ведения государство или иной собственник может установить дальнейшие ограничения его объема и содержания. Эти ограничения могут быть **общенормативными, специально-нормативными либо индивидуальными.**

Общеправными являются ограничения, установленные действующим законодательством при реализации права полного хозяйственного ведения любыми предприятиями, относящимися ко всем либо некоторым формам собственности. Часть этих ограничений распространяется и на предприятия, являющиеся собственниками имущества. Ограничения, нормативно установленные для государствен-

ных или муниципальных предприятий, заключаются преимущественно во введении особого порядка распоряжения имуществом, предполагающего необходимость получения разрешения, согласования с комитетами по управлению имуществом либо же необходимость совершения распорядительных действий непосредственно комитетами, Назовем некоторые важные ограничения:

ликвидация и реорганизация предприятия производятся по решению собственника или органа, уполномоченного создавать такие предприятия, с согласия трудового коллектива (ст. 37 Закона о предприятиях и предпринимательской деятельности);

предприятие-должник подает в арбитражный суд заявление о своей несостоятельности (банкротстве) только с согласия собственника или уполномоченного им органа (ст. 5 закона — Закона РФ «О несостоятельности (банкротстве) предприятий»);

приятие, за которым имущество закреплено на праве полного хозяйственного ведения, осуществляет залог предприятия в целом, его, структурных единиц и подразделений как имущественных комплексов, а также отдельных зданий и сооружений с согласия собственника этого имущества или уполномоченного им органа (ст. 19 «О залоге»). Не допускается залог государственных предприятий, строений, зданий, сооружений и иных объектов, непосредственно связанных с землей, прав пользования земельными участками, если это имущество подлежит приватизации. Указанная недвижимость, находящаяся в федеральной собственности, не может быть передана также в залог, то есть не допускается ее передача залогодержателю (разъяснение Госкомимущества РФ от 2 сентября 1992 г.);

продажа материальных и нематериальных активов действующих государственных и муниципальных предприятий осуществляется в соответствии с законодательством о приватизации (ст. 1 Закона «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР» в редакции Закона от 5 июня 1992 г.);

— при сдаче в аренду недвижимого имущества государственных и муниципальных предприятий, структурных единиц этих предприятий, их филиалов, отделений и других обособленных подразделений полномочия арендодателя осуществляют исключительно соответствующие комитеты по управлению имуществом. Сдача в аренду движимого имущества этих предприятий на срок более одного года осуществляется предприятиями по согласованию с соответствующими комитетами (п. 4, 5 Указа Президента РФ от 14 октября 1992 г. «О регулировании арендных отношений и приватизации имущества государственных и муниципальных предприятий, сданного в аренду»).

Специально-нормативные ограничения устанавливаются обычно на подзаконном уровне и применяются к предприятиям, относящимся к определенным отраслям либо осуществляющим определенные виды деятельности. Подобные ограничения могут состоять в закреплении за предприятиями имущества на праве хозяйственного ведения (не полного, следовательно, ограниченного) либо даже на прав оперативного управления. Как известно, последнее в соответствии с п. 3 ст. 5 Закона «О собственности в РСФСР» характеризует общий исходный режим закреплении имущества не за предприятиями, а за государственными и иными учреждениями, финансируемыми за счет средств собственника. Пределы осуществления права оперативного управления устанавливаются законом в соответствии с целями деятельности учреждения, заданиями собственника и назначением имущества. Они являются значительно более жесткими, нежели пределы осуществления права полного хозяйственного ведения (во всяком случае, по сравнению с заложеной в законе теоретической моделью этого права). Так, Указом Президента РФ от 1 июня 1992 г. «О статусе производственных и научно-производственных объединений топливно-энергетического комплекса» предусмотрено закрепление имущества за такого рода структурами именно на праве оперативного управления.

Индивидуальные ограничения устанавливаются собственником либо уполномоченным им органом по отношению к тому или иному конкретному предприятию исходя из специфики условий хозяйствования в каждом отдельном случае.

В качестве возможного правового средства применения индивидуального ограничения Закон «О собственности в РСФСР» (п. 2 ст. 5) называет лишь договор предприятия с собственником.

Исходя из сказанного, содержащееся в п. 1 ст. 24 Закона «О собственности в РСФСР» императивное указание о том, что за государственными и муниципальными предприятиями имущество закрепляется на праве полного хозяйственного ведения, следует воспринимать лишь как базовую теоретическую правовую конструкцию, которая может быть модифицирована (ограничена по объему и содержанию субъективного права) нормативным путем либо договором. Кроме того, в силу ст. 5 Закона «О собственности в РСФСР» собственник не обязан, а лишь может закрепить принадлежащее ему имущество за созданным им предприятием на праве полного хозяйственного ведения. Это довольно существенное расхождение в основаниях возникновения данного права (прямое указание закона либо же усмотрение собственника, воплощенное в договоре) нельзя объяснить лишь дефектами юридической техники. Видимо, подобные колебания законодателя отражают сущностные мо-

менты и, в частности, воспроизводят объективную тенденцию к наделению субъектов хозяйствования наиболее широким по объему и содержанию вещным правом. Однако это не исключает возможности проявления воли собственника в ограничении этого права либо даже его замене иным, заведомо более узким правом оперативного управления.

В связи с этим несомненный интерес представляет порядок наделения предприятий соответствующими вещными правами. В законодательстве этот вопрос однозначно не решен, что порождает весьма противоречивую практику.

Одна из проблем заключается в том, что комитеты по управлению имуществом закрепление имущества за предприятиями связывают, как правило, с заключением договора. Так, комитет по управлению имуществом Ростовской области потребовал от Ростовского электровагоноремонтного завода заключить с ним договор о передаче заводу находящегося у него на балансе имущественного комплекса. Завод возражал против этого, ссылаясь на то, что все имущество уже было закреплено за ним ранее, при создании завода Министерством путей сообщения много лет назад. Поэтому, по мнению завода, необходимости в заключении такого договора нет. Комитет же, обладающий правами территориального агентства Госкомимущества, обосновывал свое требование ссылкой на п. 3.1 Типового положения о Комитете, утвержденного Указом Президента РФ от 14 ноября 1992 г. Из этого нормативного акта действительно вытекает исключительное право комитета заключать договоры о закреплении за предприятиями государственного имущества на праве хозяйственного ведения, а также договоры на управление имуществом. Однако в Указе речь идет только о договорах передачи имущества в хозяйственное ведение и оперативное управление. Что же касается права полного хозяйственного ведения, то оно, будучи производным от права собственности и в то же время базовым в системе иных вещных прав, возникает в силу определенных юридических фактов и составов (решение о создании Предприятия, акты утверждения и регистрации его устава и т.п.), но никак не на основании договора. Более того, договор как способ закрепления вещного права не нужен и тогда, когда вопрос о закреплении имущества на любом ином вещном праве решается собственником (учредителем) непосредственно при создании предприятия (учреждения). Другими словами, именно в учредительных «документах предприятия, а не в договоре, должен быть определен тот или иной правовой режим имущества вновь создаваемого предприятия. Отсутствие соответствующей нормы в действующем законодательстве воспринимается сейчас как существенный пробел.

В соответствии с п. 2 ст. 5 Закона «О собственности в РСФСР» договор предприятия с собственником следует рассматривать как основание ограничения права полного хозяйственного ведения уже существующего как юридическое лицо предприятия. Причем ограничено может быть по существу уже имеющееся, действительное право полного хозяйственного ведения. Следовательно, такое исходное (для последующего ограничения) право должно к моменту заключения договора принадлежать созданному и зарегистрированному в установленном порядке предприятию. И лишь это право, распространяющееся на переданное предприятию имущество, может быть, по мысли законодателя, ограничено договором. В этой связи теоретически и практически важным является вопрос о том, насколько договорная форма ограничения данного права адекватна природе взаимоотношений предприятия и собственника.

В силу известной правовой аксиомы отказ от права недействителен. Вряд ли можно представить себе такое положение, когда предприятие само стремилось бы к ограничению своих прав по владению, пользованию и распоряжению имуществом. В то же время в известных ситуациях вполне понятным и обоснованным может оказаться желание собственника ограничить предприятие в таких правах. Следовательно, действительная воля сторон оказывается не соответствующей выраженному в таком договоре волеизъявлению. Даже если договор об ограничении права полного хозяйственного ведения и будет заключен, предприятие в принципе может доказать наличие порока воли (принуждение, давление) и потребовать на этом основании признания договора недействительным. Если же предприятие откажется от заключения такого договора вообще. То собственник будет поставлен в весьма сложное положение. При отсутствии соглашения о передаче такого спора на разрешение арбитражного суда возникнет тупиковая ситуация, не решаемая правовым путем. Конструируя договорную модель ограничения права полного хозяйственного ведения предприятия, законодатель. Как можно видеть, не учел особенностей правового положения собственника по отношению к учрежденному им предприятию. В то же время закон определил, что собственник может осуществлять контроль за эффективностью использования и сохранность имущества предприятия. Представляется очевидным, что наиболее естественным образом вопрос о необходимости тех или иных индивидуальных ограничений вещного права предприятия возникает в связи с осуществлением собственником его контрольных правомочий. Но коль скоро речь идет о той или другой форме реализации контрольной функции собственника в части эффективности использования его имущества, адекватной формой ограниче-

ния вещного права предприятия будет являться основанная на экономической власти распорядительная деятельность собственника, но никак не заключение им договора с предприятием. Наиболее точно воля собственника будет выражена в его одностороннем акте (приказе, решении, распоряжении и т. д.), вносящем соответствующие изменения в учредительные документы предприятия. Такое решение должно быть мотивированным, обоснованным экономически и юридически, оно не должно базироваться на случайных, второстепенных факторах, не говоря уже о мотивах личностного порядка. В соответствии с п. 2 ст. 12 Основ гражданского законодательства права юридического лица могут быть ограничены лишь решением, а не каким-либо иным юридическим актом, причем такое решение может быть обжаловано юридическим лицом в суд, арбитражный суд. Та же норма определяет, что юридическое лицо может быть ограничено в правах лишь в случаях и порядке, предусмотренных законодательными актами.

С этой точки зрения следует признать неудачной формулу индивидуального ограничения права полного хозяйственного ведения предприятия, закрепленную в п. 2 ст. 5 Закона «О собственности в РСФСР». Представляется, что договор предприятия с собственником как способ ограничения права должен уступить место решению собственника. Для того чтобы не нанести необоснованного ущерба этому важнейшему элементу правоспособности предприятия, легально следовало бы определить и те случаи, когда такое ограничение возможно (например, нерациональное использование имущества, низкая эффективность и т.п.). Видимо, имеет также смысл установление таких ограничений на определенный срок.

Институт права хозяйственного ведения получил свое легальное закрепление в Законе о предприятиях и предпринимательской деятельности (ст. 3, п. 3 ст. 6, п. 2 ст. 7). Его субъектом признается, однако, не предприятие, а предприниматель, управляющий имуществом собственника, или же предприятие «в лице трудового коллектива». В то же время анализ подзаконных актов и данных практики показывает, что этим правом фактически наделяются не столько указанные выше субъекты, сколько предприятия как таковые. Нормотворческая и хозяйственная практика корректируют таким путем законодателя, который далек от юридической точности в определении субъектов права хозяйственного ведения.

Необходимо отметить существующую и все усугубляющуюся терминологическую и концептуальную путаницу в установлении сфер применения и объемов реализации различных вещных прав. Изначально заложенное законодателем разграничение вещных прав предприя-

тий (полное и ограниченное право хозяйственного ведения), с одной стороны, и учреждений (право оперативного управления и самостоятельного распоряжения) — с другой постепенно стирается. Выше уже было показано, что в специально-нормативном порядке права предприятия могут быть сведены до уровня оперативного управления. В отдельных случаях по труднообъяснимым причинам нормотворческий орган вообще «забывает» о существовании у предприятий прав полного или ограниченного хозяйственного ведения. Так, в п. 6 Правил возмещения работодателями вреда, причиненного работникам увечьем, профессиональным заболеванием либо иным повреждением здоровья, связанным с исполнением ими трудовых обязанностей, утвержденных постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 24 декабря 1992 г., говорится об ответственности за причиненный вред работодателя, которому воздушное судно принадлежит на праве оперативного управления или собственности. Почему в данном случае выбраны именно эти полярные правовые режимы, остается только гадать. Неточность законодателя очевидна и опасна: при отсутствии легальных ограничений на закрепление воздушного судна за авиапредприятием на праве полного или ограниченного хозяйственного ведения это может привести к отказу в возмещении вреда потерпевшему.

С другой стороны, элементы вещных прав предприятий все глубже внедряются в сферу «учрежденческой» деятельности. Закон «О собственности в РСФСР» (п. 4 ст. 5) признает за учреждениями, осуществляющими с согласия собственника предпринимательскую деятельность, право на самостоятельное распоряжение доходами от такой деятельности и имуществом, приобретенным за счет этих доходов. Такое право самостоятельного распоряжения возникает, однако, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Предпринимательская деятельность разрешена, например, образовательным учреждениям. Как указано в п. 4 ст. 47 Закона об образовании, в своей предпринимательской деятельности образовательное учреждение приравнивается к предприятию и подпадает под действие законодательства в области предпринимательской деятельности. Но в этом случае возникает проблема правового режима имущества, используемого образовательным учреждением для предпринимательской деятельности. Проблема эта далеко не исчерпывается указанием на правовой режим «самостоятельного распоряжения» и является весьма острой и для самого образовательного учреждения, и для его собственника, и для его кредиторов. К сожалению, вопрос этот остается открытым. Некоторые образовательные учреждения, практически не осуществляющие предпринимательскую деятельность, по содержа-

нию своих имущественных правомочий оказываются в более выгодном положении, чем даже предприятия. Так, государственным вузам предоставлено право самостоятельно сдавать свое имущество в аренду (Указ Президента РФ от 9 декабря 1992 г. «О мерах по государственной поддержке государственных высших учебных заведений»), тогда как для предприятий выступление в качестве арендодателя осложнено необходимостью участия в этих отношениях комитета по управлению имуществом.

Вывод о прогрессирующем смешении правовых режимов осуществления вещных прав можно сделать и по ознакомлению с текстом Основ законодательства Российской Федерации о культуре. По решению учредителя организации культуры имущество (здания, сооружения, имущественные комплексы, оборудование) может быть передано ей не только в оперативное управление, но и в хозяйственное ведение и даже в собственность (ст. 43 Основ). Таким образом, учреждения наделяются правами предприятий, а последние могут, в свою очередь, приобрести правовой режим осуществления вещных прав, свойственный учреждениям. Подобные решения принимаются далеко не всегда лишь органами государства, но также гражданами и предприятиями частной формы собственности, выступающими учредителями других предприятий. Например, при регистрации индивидуального частного предприятия «Гермес» в Пролетарском районном филиале Регистрационной палаты г. Ростова-на-Дону собственник в учредительных документах наделил предприятие в лице директора лишь правом оперативно-распорядительной деятельности, хотя по общему положению такое предприятие должно было бы обладать правом полного хозяйственного ведения, а его управляющий — правом хозяйственного ведения.

Отмеченное явление взаимопроникновения различных производных режимов осуществления прав на имущество, которое, пользуясь естественнонаучной терминологией, можно было бы назвать «Диффузией вещных прав», далеко не безобидно. Достаточно назвать хотя бы проблему соотношения между правовым режимом закрепления имущества за предприятием и объемом имущественной ответственности того же предприятия. Принципу полной имущественной ответственности предприятия (ст. 8 Закона «О собственности в РСФСР») соответствует режим, обеспечивающий наиболее широкое осуществление вещного права (собственность либо полное хозяйственное ведение). Но подлежит ли ограничению ответственность предприятия, если его исходное широкое вещное право будет ограничено либо даже замещено значительно менее емким правом оперативного управления? Ведь государственное или иное учреждение, которое является «нор-

мальным» субъектом этого права, отвечает по обязательствам не всем своим имуществом, а лишь находящимися в его распоряжении денежными средствами. В остальной же части обязательство субсидиарно отвечает собственник соответствующего имущества.

Здесь отчетливо прослеживается логика законодателя: при легальном ограничении вещного права юридического лица (учреждения) некоторым образом ограничивается и его ответственность, однако таковая, хотя бы в субсидиарном порядке, не исключается для собственника. Следуя этой логике, можно было бы ожидать, что какое-то перераспределение ответственности должно иметь место и в случае ограничения собственником права полного хозяйственного ведения (и соответственно умаления экономической свободы и самостоятельности) предприятия. В действующем законодательстве эта линия проводится лишь применительно к критическому состоянию предприятия — его банкротству (п. 3 ст. 15 Основ гражданского законодательства): если банкротство (несостоятельность) юридического лица вызвано неправомерными действиями собственника его имущества, он отвечает по обязательствам юридического лица при недостаточности средств последнего для удовлетворения требований кредиторов.

К сожалению, уже в Законе РФ «О несостоятельности (банкротстве) предприятия» допущено полное рассогласование с приведенной нормой Основ. Как следует из ст. 26 и 35 данного Закона, в конкурсную массу предприятия-должника включается лишь имущество, принадлежащее предприятию на праве; собственности либо: праве полного хозяйственного ведения, а при недостаточности этой конкурсной массы неудовлетворенные требования кредиторов считаются погашенными. По нашему мнению, субсидиарная ответственность собственника не должна исключаться не только в случае, предусмотренном Основами, но и при любом индивидуальном ограничении собственником вещного права предприятия; Ограничивая это право, собственник принимает часть правомочий по распоряжению имуществом непосредственно на себя или поручает их осуществление иному органу, в связи с чем и должно быть обеспечено корреспондирование между его правами, обязанностями и ответственностью. Введение этого правила способствовало бы укреплению экономических и правовых гарантий самостоятельного хозяйствования предприятий как относительно автономных основных элементов рыночного механизма.

Не менее сложной является и проблема осуществления «учрежденческого» права самостоятельного распоряжения, в особенности в плане ответственности. По своей сущности это право является потенциально даже более широким и лучше защищенным, чем вещные пра-

ва предприятий. Законодательством не предусмотрена возможность ни нормативных, ни индивидуальных ограничений этого права (правда, собственник учреждения культуры или образовательного учреждения, осуществляющего предпринимательскую деятельность, в некоторых случаях может ее приостановить). Поэтому было бы логичным распространить полную имущественную ответственность на все имущество, находящееся у учреждения на праве самостоятельного распоряжения, уравнивая ее с ответственностью предприятия.

Явление диффузии вещных прав, о котором шла речь выше, достаточно симптоматично. Оно лишь объективно отражает то обстоятельство, что и нормотворческая деятельность (прежде всего, подзаконная), и хозяйственная практика ориентированы на некий общий, унифицированный режим осуществления производного вещного права всеми субъектами предпринимательской деятельности. Поэтому представлялось бы целесообразным закрепить в законах о собственности и о предприятиях лишь одно производное от права собственности вещное право субъектов предпринимательской деятельности, обозначив его как право хозяйственного ведения. Предельную полноту его содержания следует определить в законе путем установления соотношения с правом собственности. Если закон или собственник не ограничивают данное право, то оно реализуется в едином, общем для всех хозяйствующих субъектов объеме, «с применением правил о праве собственности» (п. 2 ст. 5 Закона «О собственности в РСФСР»). Этот общий режим должен являться базовым, исходным для имущества предприятий, а также имущества, используемого и Приобретаемого учреждениями, осуществляющими предпринимательскую деятельность. При наличии же нормативных либо индивидуальных ограничений исходное право получает более узкие границы, причем объем прав у разных субъектов может оказаться различным. Такое явление следует рассматривать как временное, обусловленное множеством факторов: практически одновременным вступлением в предрыночные отношения множества хозяйствующих субъектов, отсутствием у многих из них должного опыта, сохранением некоторых рычагов государственного управления экономикой и т. д. С течением времени амплитуда отклонений вещных прав предприятий от базы неизбежно уменьшится и в конечном итоге их объем у разных субъектов установится в пределах одного диапазона, который и будет восприниматься как норма. Экономические факторы будут диктовать необходимость установления одной правовой свободы для субъектов предпринимательской деятельности, другой — для чисто бюджетных учреждений.